

УДК 882.09

М.С. Чернова

РУССКИЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. И РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДОЗНАНИЯ

В работе анализируется становление научного интереса к истории, традициям, фольклору белорусской земли в России. Прослеживаются этапы в развитии представлений о белорусском языке и белорусской народности в России.

Подчеркивается, что изучение белорусского языка, истории и народной жизни углубляло знания и о русской народности в том числе. Доказывается, что сведения о белорусской народности имели важное значение в развитии славянофильства в России и в становлении идеи «славянского единства», занимавшей существенное место в русской идеологической и культурной жизни XIX в.

Становление белорусской народоведческой мысли происходило в условиях не только национального самопознания, но и взаимопознания народов Беларуси и России. В начале XIX в. это знакомство русских и белорусов происходило на основе историко-этнографических и фольклористических исследований, которые явились мощным фундаментом для формирования общественно-политических, идеологических и культурологических концепций как в Беларуси, так и в России. Данный вопрос о взаимовлиянии и взаимопроникновении русской и белорусской народоведческой мысли до сих пор остается вне поля зрения современных исследователей и заслуживает отдельного изучения.

«Белорусское племя обратило на себя особенное внимание нашей (русской. – М.Ч.) этнографии только <...> после последнего польского восстания», – писал А.Н. Пыпин, имея в виду события 1863 г. [7, с. 7]. Однако следует уточнить, что исторические и этнографические изыскания на территории северо-западного края начались значительно раньше. Земли Гродненской, Виленской, Могилевской и Витебской губерний, которые отошли к России в результате разделов Польши, привлекли внимание русских историков и этнографов еще в конце XVIII – начале XIX в.

Среди тех, кто принял участие в изучении историко-культурного и духовного наследия бывшего Великого Княжества Литовского, были сенатор М. Балутьянский и граф М.Н. Сперанский. Но настоящий научный интерес к истории, традициям, фольклору Беларуси возник в русском обществе благодаря просветительской деятельности членов кружка, созданного в 1810-х гг. государственным канцлером Н.П. Румянцевым. Для решения широкомасштабных задач в деле изучения археологии, истории, литературы, музыки, живописи, географии, этнографии, фольклора Румянцев сплотил вокруг себя выдающихся деятелей культуры и науки того времени.

Среди членов петербургской группы ученых оказался П.И. Кеппен. Предпринятые им в 1819 и 1821 гг. путешествия по западным областям Российской империи открыли богатство белорусского историко-культурного наследия: в Витебске он осмотрел средневековые монастыри и костёлы, в Орше – знаменитый Борисов камень, с которого «снял» рисунок. С большим интересом он отнесся к храмам и соборам Полоцка, где ему удалось увидеть, а затем описать крест Ефросиньи Полоцкой. Позднее Кеппен издал брошюру «Список известнейших курганов в России», благодаря

чему началась активная историко-археологическая работа в округах Гомеля, Витебска, Полоцка, а на территории Беларуси, наряду с московской и петербургской группами, образовался третий центр Румянцевского кружка.

Одним из главных помощников Румянцева стал священник его гомельской усадьбы И.И. Григорович. Следует, однако, вспомнить, что в поисках архивных документов самое активное участие приняли архивариус греко-униатской полоцкой духовной консистории Кунцевич, архимандрит И. Шулакевич, смотритель полоцких уездных училищ А.М. Дорошкевич, служащий полоцкого уездного казначейства И. Сыщенко, переводчик моголиевского магистратского суда Н.Г. Гортынский, а также преподаватели Виленского университета: профессор российской словесности И.Н. Лобойко, профессор права И.Н. Данилович, историк И. Лелевель.

Благодаря стараниям возглавляемой Григоровичем группы энтузиастов в одном из монастырей Полоцка было обнаружено Добрилово Евангелие 1164 г., в монастыре Гродненской губернии удалось найти Супрасльскую летопись. В 1824 г. на средства Румянцева была издана первая часть «Белорусского архива древних грамот». Во вступительной статье к «Белорусскому архиву» Григорович подчеркивал, что многие документы имеют отношение не столько к российской истории, сколько к истории Беларуси, и именно поэтому они представляют особый научный интерес. Интересно отметить, что, ознакомившись с белорусскими историческими материалами, именно Румянцев рекомендовал Григоровичу составить русско-белорусский словарь.

Что касается белорусского языка, то его изучение стало к этому времени насущной необходимостью. Во-первых, отсутствовали какие-либо четкие представления о происхождении и закономерностях его развития: зачастую его соединяли с малоросским наречием. Во-вторых, вопрос о белорусском языке был связан с общественно-политическими и идеологическими проблемами, обусловленными русско-польскими отношениями. Как отмечал А.Н. Пыпин, белорусский словарь был нужен, чтобы *«выяснить окончательно вопрос о характере языка, который поляки хотели понимать или как лингвистическую смесь, или даже как простое местное наречие польского языка и который для русских оставался, в сущности, неясен до словарной работы Носовича»* [7, с. 70].

Значительную роль в изучении старобелорусского языка и славяноведения сыграл прот. М. Бобровский. В 1825 г. в «Вестнике Европы» в его переводе было опубликовано сочинение диакона Матфея Савича «О незнании славянского книжного языка в Далмации». В примечаниях к работе хорватского слависта Бобровский доказывал недопустимость использования латинского алфавита в славянской письменности, ведущего к искажению славянского языка. Языковая ситуация в Хорватии позволила ему высказать свои мысли о судьбе славянского языка в Беларуси, который так

же подвергся латинско-польским искажениям, хотя первоначально «*обязан был греческому как буквами, так и всем своим составом*».

Однако справедливости ради следует уточнить, что едва ли не первым к вопросу о белорусском языке обратил научный интерес московский ученый К.Ф. Калайдович. Он начал его изучение в 1812–1813 гг., а затем опубликовал специальную статью «О белорусском наречии» и «Краткий словарь белорусского наречия».

К числу первых ученых-белорусоведов принадлежал И.Н. Лобойко, выпускник Харьковского университета, ставший в Виленском университете профессором российской словесности. Всю кирилловскую письменность Великого княжества Литовского он называл «белорусской». Лобойко считал своей главной задачей изучение «*обширной области*» знания «*под именем белорусской словесности*». Он мечтал, чтобы белорусская словесность еще при его жизни «*из мрака забвения с достоинством выступила на свет*». Следует подчеркнуть, что именно он первый стал употреблять термин «белорусский», расширив этнический и территориальный его смысл.

Однако в начале XIX в. оставалась неясность как в названии северо-западного края, так и народа, в нем проживающего. Как писал историк Н.И. Костомаров, «*Литва – это название стало собственностью белорусского края и белорусского народа*» [3, с. 35].

И. Морзалюк подчеркивает, что впервые белорусами называли православных литвинов, попавших в плен во время русско-польской войны 1654–1667 гг. По отношению ко всем литвинам термин «белорусы» стал употребляться после присоединения земель Великого Княжества Литовского к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой в XVIII в. Однако окончательно он закрепился только к 1880-м гг. [6].

Самые серьезные труды по белорусско-литовской истории датируются концом 1830 – началом 1840-х гг. Одновременно Т. Нарбут, Ю. Ярошевич, Ю. Крашевский, Данилович представили большой материал, посвященный мифам и бытовой жизни древних литовцев. Наряду с историческими изысканиями в это время появились фольклорные сборники Я. Чечота и Р. Зенкевича.

Особенность этих работ состояла в обосновании идеи самобытности Литовской Руси, что во многом определялось складывающейся в крае идеологической обстановкой: после упразднения Виленского университета в общественной и литературной жизни западной Беларуси идеи о реставрации старой Польши уступили место идеализации литовского прошлого. Постепенно сложилось убеждение, что под властью Польши литовский народ изменился «*по польским образцам: язык, народность, одеяния, нравы, обычаи, порядок судопроизводства, чиновное положение, – одним словом, все, что составляет отличительные признаки существования особого народа*». «*Литва как бы исчезла с лица земли*», – писал П.В. Кукольник [4,

с. 24]. «Осталось только имя Литвы, а следы ее народности сохранились под соломенными крышами бедных земледельцев» [5, с. 43].

Своеобразный миф о Литве, навсегда ушедшей в прошлое и исчезнувшей, словно Атлантида, создавала и сама русская литература в первой четверти XIX в. Этот миф не был основан ни на реальной истории, ни на действительных представлениях о белорусско-литовском крае и ее жителях. Образы литовцев представляли собой плод воображения авторов баллад, псевдоисторических романов, повестей и поэм, требовавших, по законам романтизма, обращения к временам, давно прошедшим. Художественные произведения русских писателей той поры, так или иначе затрагивавших литовскую тему, объединяет общее представление о литовском крае как чужом, враждебном, таящем угрозу для русской земли. Такой взгляд обнаруживается в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, в балладе В.А. Жуковского «Вадим», в думах «Глинский» и «Курбский» К.Ф. Рыльева, в «Романе и Ольге» А.А. Бестужева-Марлинского, в исторической драме «Елена Глинская» Н.А. Полевого.

Всякий раз при упоминании Литвы в русской романтической литературе появлялся эпитет «чужой». «Тесный дом» мертвого жениха в балладе Жуковского «Людмила» находится «там, в Литве, в краю чужом». В «Боярине Орше» А.С. Пушкина рассказывается о местах «*близ рубежа Литвы чужой*», а «*беспокойная Литва // С толпою дерзких воевод // На землю русскую идет*». Бестужев-Марлинский и Полевой рассказывают о том, что паны приводили литовцев на русскую землю «*на разбой и убой*».

Показательным является тот факт, что враждебность литовцев в русском представлении связывалась с агрессивностью иноверия. В «Вадиме» Жуковского литовский князь – «*враг церкви православной*». Конфессиональными отличиями обуславливаются различия культурные и нравственные. Жуковский, например, описывает звероподобную внешность вооруженного дубиной исполина-литвина, одетого в медвежью шкуру, и называет его «*хищником*». «*Медвежья кожа на плечах*» надолго стала едва ли не обязательной деталью облика литовца, что было связано с историографическими сведениями, согласно которым литовским воинам латы и панцири в древности заменяли медвежьи шкуры шерстью вверх, а «*шкура с головы зверя и челюсть его, с зубами*» – шлем [2, с. 11]. Литва и литовцы, таким образом, приобрели в романтической русской литературе черты экзотические и малодостоверные.

Связано это было с тем, что в русском представлении вся Речь Посполитая отождествлялась с исторически враждебной Польшей, и потому Литва воспринималась как «польский край». Ф.Н. Глинка, например, в стихотворении «Партизан Сеславин» (1827) называет Вильно «*польским градом*», а на страницах «Писем русского офицера», посвященных столице Литвы, он упоминает о польских женщинах, «*гостеприимных, но смущенных победой русских*» [1, с. 60, 213, 253].

Важную роль в преодолении представления о белорусско-литовской чужеродности и враждебности, созданного русским романтизмом, сыграли труды профессора П.В. Кукольника. Он одним из первых начал рассматривать историю северо-западного края в единстве с историей русской. Именно Кукольник предпринял попытку обосновать не только историческое и этническое, но, прежде всего, духовное родство русского и белорусского народов. Исследования Кукольника получили в России широкий общественный резонанс и многим открыли правду о белорусской земле.

«Могущество и благосостояние Литвы зависало именно от ближайшего соединения с Русью, и чем более ослабляема была эта связь, тем ощутимее были потери Литвы», – писал Кукольник [4]. Подобные утверждения давали повод для обвинений его в русофильстве и верноподданничестве. Оценка исторической концепции Кукольника не входит в задачу данной работы. Но нельзя не признать значения его этнографических изысканий в деле пробуждения интереса друг к другу двух братских народов. Исследования Кукольника помогали преодолеть настороженное отношение к жителям северо-западных земель Российской империи.

Перестала твердить о литовской враждебности и русская литература. В историческом романе Нестора Кукольника «Альф и Альдона», младшего брата Павла Васильевича, события разворачиваются в Литве XIV в. Ее населяют язычники, которые поклоняются множеству богов и при помощи многочисленных жрецов и волхвов творят причудливые обряды. Пребывая в *«диком состоянии»*, литовцы-белорусы воюют с немецкими рыцарями, а затем Русь *«смешалась с Литвою»* и внесла *«в быт язычников свои нравы»*, пролагая им *«пути к принятию христианства»*

После подавления польского восстания 1863 г. актуализировались историографические теории, которые рассматривали Литву как часть русско-литовского государства. Сторонники этих теорий не без оснований доказывали, что народ, населяющий северо-западный край, изначально был близок русскому народу. Виновником размежевания назвали князя Ягайло, который потворствовал насильственному окатоличиванию литовцев.

Художественные произведения, появившиеся в 1860-е гг. иллюстрировали мысль об исконности склонности литовцев к православию и чуждости им польской католической цивилизации. В этой связи следует назвать драматические сцены из времен князя Ольгерда «Свержение язычества в Вильне» (1866) и пьеса «Бирута и Кейстут» (1867), исторический роман «Ягайло» (1867–1868) С.Ф. Калугина.

В первой половине XIX в. в Беларуси пробуждается небывалый интерес к историческому прошлому народа, его духовной и материальной культуре. Значительную роль здесь сыграла, в первую очередь, научная мысль – зарождающееся научное белорусоведение. Историко-этнографическое и фольклор-

ное изучение белорусского края осуществляли как белорусские, так и русские исследователи. С обеих сторон многое было сделано для пробуждения интереса к истории и традициям друг друга, что не могло не иметь плодотворного влияния на самосознание обоих народов. Несмотря на многообразие суждений о своем сходстве и различии, так или иначе, и белорусские, и русские фольклористы, этнографы, лингвисты и писатели приходили к единому мнению о духовной и нравственной близости белорусов и русских. Именно в первой половине XIX в. это родство осознавалось сильнее, чем когда либо.

Литература:

1. *Глинка, Ф.* Письма русского офицера, о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год / Ф. Глинка. – М., 1870.
2. *Киркор, А.* Литовские древности (Объяснение виньетки) / А. Киркор // Черты из истории и жизни литовского народа. – Вильно, 1854. – С. 7–20.
3. *Костомаров, Н.И.* Две русские народности / Н.И. Костомаров. – СПб. : Основа, 1861. – С. 33–80.
4. *Кукольник, П.* Исторические воспоминания о Немане / П. Кукольник // Памятная книжка Виленской губернии на 1860 год. Ч. 2 : Историко-статистический сборник Виленской губернии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.russianresources.lt/archive/Kuk/Kuk_22.html. – Дата доступа : 16.02.2013.
5. *Кукольник, П.В.* О пособиях к дополнению литовской истории / П.В. Кукольник // Записки Виленской археологической комиссии. Ч. I. – Вильно, 1856. – С. 40–47.
6. *Марзалюк, І.* Тэрміналогія этнічнай гісторыі Беларусі 14–17 ст.: набліжэнне да рэаліяў, ці стварэнне новых міфаў? / І. Марзалюк // Гістарычны альманах. – 2003 – Т. 9. – С. 113–122.
7. *Пыпин, А.Н.* История русской этнографии / А.Н. Пыпин // Белоруссия и Сибирь. – СПб. : Типография Стасюлевича, 1892. – Т. 4. – 488 с.